

проявил в день спектакля, доставая декорации с железной дороги и из таможи. В том, что произошла такая задержка с доставкой нашего имущества, не виноват никто, кроме неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Как Вы уже знаете, декорации и костюмы были отправлены за две недели вперед. Хотя транспортная контора и уверяла нас, что груз из Юго-Славии во Францию идет не больше 8-ми дней, мы этому не поверили и накинули еще неделю в запас. Но оказалось и этого мало: по дороге случилось две поломки вагонов и все имущество дважды перегружалось. Дима Качалов, сопровождавший груз, делал все возможное и невозможное, чтобы его проталкивать. Думаем, что если бы его не было там, то мы получили бы вещи еще неделей позднее. Теперь, когда все прошло прекрасно, когда перед нами лежат первые рецензии — блестящие, полные похвал и восторгов, трудно себе представить, что еще за два часа до спектакля в театре не было ничего, кроме корзин с костюмами. С момента прибытия имущества и до поднятия занавеса все, как один человек, работали, не покладая рук, и только благодаря какому-то нечеловеческому подвигу нервов дело наше было спасено. Здешняя дирекция прямо заявила нам, что если бы спектакль был отменен, то этим мы испортили бы все будущее наших гастролей.

С ближайшей оказией через Берлин мы постараемся послать Вам оригиналы наиболее интересных рецензий. Пока же сделаем несколько выдержек. Антуан в газете „Комедия“ пишет, что уже по одному первому впечатлению можно сразу установить, что труппа наша, где каждый слит в изумительном ансамбле, ни с чем не сравнима. В той же газете Габриэль Буасси посвящает „Федору“ громадную статью, где говорит, что никого из ансамбля нельзя выделить отдельно, т. к. каждый является совершенством. „Всякий из исполнителей“, говорит он, „создает образ не по внешним только данным, но и по внутренним. Он в него вживается, у него появляются его движения, его достоинства, его недостатки, его глаза, его душа. Впечатление настолько глубокое, что мы могли следить за самыми мельчайшими подробностями фигурки, не прочтя ни одной строчки драмы“.

Андре Бонье в „Эко де Пари“ пишет, что спектакль „Царя Федора“ — совершенство театра. „Нельзя себе представить постановки более прекрасной и более продуманной, актеров более великих, которые могли бы лучше проникнуться в создаваемые образы, заботливости более совершенной во всех деталях... Что поражает больше всего, это преданность исполнителя своей роли, его самоотверженность, его забвение самого себя и своей личности. Вы не знаете русского языка, но перед вами такие реальные существа, такие живые, что вы их понимаете. Слова ускользают от вас, но души их понятны вам по аналогии с тем, как глухонемые читают мысли по губам тех, которые с ними разговаривают“.

„Фигаро“, между прочим, пишет: „Московский Художественный Театр приехал сюда, имея мировое признание. Нам говорили о совершенстве его постановок, о тщательности мельчайших деталей, которыми обставлялись его спектакли. О нем говорили, как об образце для подражаний. И действительно мы не обманулись... Московский Художественный Театр — это театр искусства, потому что он — театр правды“.

„Эксельсиор“ пишет, между прочим, следующее: „Труппа Станиславского и Немировича-Данченко прибыла к нам, окруженная общим признанием. Вчера она себя показала достойной этого. Эти русские артисты, играющие национальную русскую драму, достигают полного совершенства... Перед вами оркестр, управляемый дирижером, который в последнюю минуту исчезает“...

В других газетах пока еще больше ничего не появилось, но думаю, что и этих выдержек достаточно, дабы Вы могли судить, что торжество театра полное.

Не успели продиктовать этих строк, как вышли еще рецензии в „Журнал де Деба“ и в „Пресс“. В первой газете, между прочим, говорится: „Каждое действующее лицо на своем месте и, живя своей личной жизнью, оно тем не менее не нарушает в то же время целостности действия и ничем не отвлекает внимания зрителя. Это впечатление сильной дисциплины, сознательности, полной подчиненности произведению, было горячо приветствуемо публикой. Трудно называть отдель-

ные имена такого совершенного ансамбля... Для того, чтобы быть справедливым, пришлось бы перечислить имена всех актеров".

А вторая газета заканчивает свою статью так: „Сколько художественных богатств дала нам Россия! И среди них то, что дает Московский Художественный Театр, является самым значительным".

Все в полном восторге от Парижа и, благодаря сильному преувеличению прожиточного минимума, подробности о чем Вам уже известны, недовольных нет. Погода нам благоприятствует. Совершенно не верится, что уже половина декабря. Одно уже хождение по парижским улицам доставляет наслаждение. К сожалению, мы—администрация—настолько заняты, что не имели до сих пор возможности нигде побывать и ничего посмотреть. Боймся, что так может продлиться до самого отъезда в Америку и что проживем мы в Париже словно в Загреб или в Праге.

Несмотря на превосходную прессу, полный сбор был только на премьере. Леонидов думает, что дальше дело улучшится. Хотя он заранее предупреждает, что никаких особенных денежных выгод ожидать от Парижа нечего. Дай бог только окупить все расходы и ничего не доложить. Впрочем, кажется, и Вы это предсказывали.

В дополнение писем Н. А. Подгорного и С. Л. Бертенсона, печатаем отрывки из писем секретаря Вл. И. Немировича-Данченко.

Париж, 3 декабря.

30-го вечером приехали мы в Париж, даже не вечером, а в 1 час ночи. Хотя ехали мы очень хорошо, ночь (из Берлина мы выехали в 10 час. веч. 29-го) во втором классе, при чем каждый имел спальное место, затем в 8 часов утра в Кельне пересели в третий класс. Но проехали в нем недолго до Льежа, а там опять пересели во второй класс, т. к. в том поезде, который нам нужен был, не было третьего класса,—и так, хотя ехали мы замечательно комфортабельно, однако все приехали усталые и даже по моему никто не почувствовал, что он в Париже. На вокзале была устроена встреча представителями местных театров—не всех—была сценка фотографическая Константина Сергеевича, были русские, но подробно не могу сказать Вам об этом, потому что должна была спешно на вокзале раздавать деньги (франки, которых до Парижа у нас было очень мало и получили мы для раздачи труппе только на вокзале). О встрече столь многолюдной я

узнала только из газет. Константина Сергеевича уже посещали и посещают интервьюеры, во многих газетах помещены статьи. Эберто устраивает завтра накануне наших гастролей суаре, посвященное Художественному театру, с участием Антуана, своих и ряда других театральных деятелей. Присутствует вся наша труппа в параде (вечерние туалеты, фрак, смокинги обязательны)—представление нас публике. Константин Сергеевич делал визиты и везде встретил необыкновенное внимание и интерес. До сих пор никто не может мне сказать, как идет продажа. Говорят, на первый спектакль хорошо, на остальные слабее.

Париж, 5-го декабря 1922 г.

Сейчас идет вторая картина «Федора»—начался наш Парижский сезон....

Это чудо, что спектакль сегодня состоялся. До 6 часов вечера было больше шансов за то, что придется сделать отмену, может быть устроить в виде компенсации какой-то импровизированный концерт. В. В. Шверубович с декорациями приехал в Париж вчера вечером. В тот же день получить багаж было невозможно. Сегодня с 7 часов утра все были на ногах по делу получения и доставки багажа. Еще вчера ночью, когда мы все ужидали, обсуждался вопрос—ставить ли «Федору» без картины сада, ставить ли «Дно», дать ли концерт или обехать ночью все редакции, и поместить извещение о том, что спектакли отодвигаются. Принято было решение работать дико, с нечеловеческой силой, но дать спектакль, правда, без сада, т. к. повесить декорацию этой картины было бы физически невозможно в течение 3—4 часов. И нельзя было отменить премьеру—вчера на вечер после необыкновенно теплых восторженных приветствий Эберто, Антуана и директора театра «Ле Вье Коломбье» Капо, Константин Сергеевич выступил с ответной речью на французском языке, имевшей громадный успех; при чем сказал, «по секрету», что декорации уже из одним из Парижских вокзалов и что мы сделаем невозможное—мы завтра откроем гастроль. Дрожим мы все за спектакль безумно, т. к. все не выверено, может быть много накладок. Работали сегодня все страшно много. Мы все принимали участие в приеме багажа. Костюмы пришли в театр около 6 часов вечера, декорации еще позднее,—а в половине девятого (вместо назначенных восьми) дали занавес.

Если все будет благополучно, по моему спектакль пройдет с успехом, т. к. даже после первой картины, которая прошла без сучка, без задоринки, были громкие аплодисменты. В завтрашнем «Федоре» играют К. С. Качалов и Дашенная. В «Дне» соблюдается строгая очередь дублеров, новых не ввели—все прежние: К. С. и Подгорный, Александров и Лазарев, Успенская и Литовцева, в «Федоре» тоже будет соблюдаться строгая очередь.

В Берлине мы распрошались с Крыжановской и в Берлине был решен вопрос о принятии к нам брата Московской—Тарханова.

Пيشу во время шестой картины. Спектакль, кажется, имеет успех. За сценой ряд художников стоит с альбомами, ахают при виде каждого костюма и грима и шепшуют делают зарисовки. Теперь страшен только собор. И завтрашняя пресса. Зал полон.